

Самопознание (Опыт философской

автобиографии)

Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948)

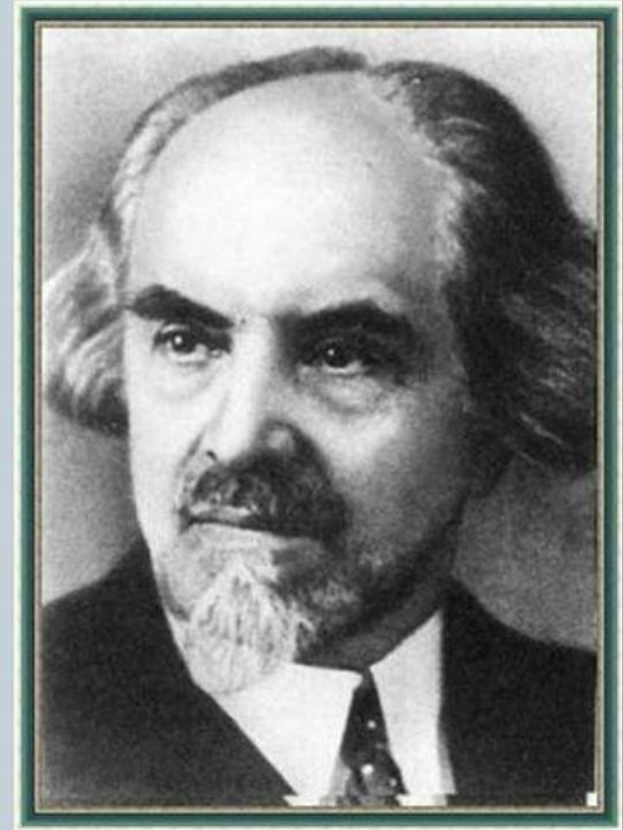

Родился в Киеве в семье потомственных военных. Его дед был кутузовский генерал. Мать — урожденная княгиня Кудашева. По семейной традиции Бердяева отдали в Киевский кадетский корпус. Но военная карьера его не прельстила, и окончив корпус, он в 1894 году поступил на естественный факультет Киевского университета, а в 1895 году перешел на юридический.

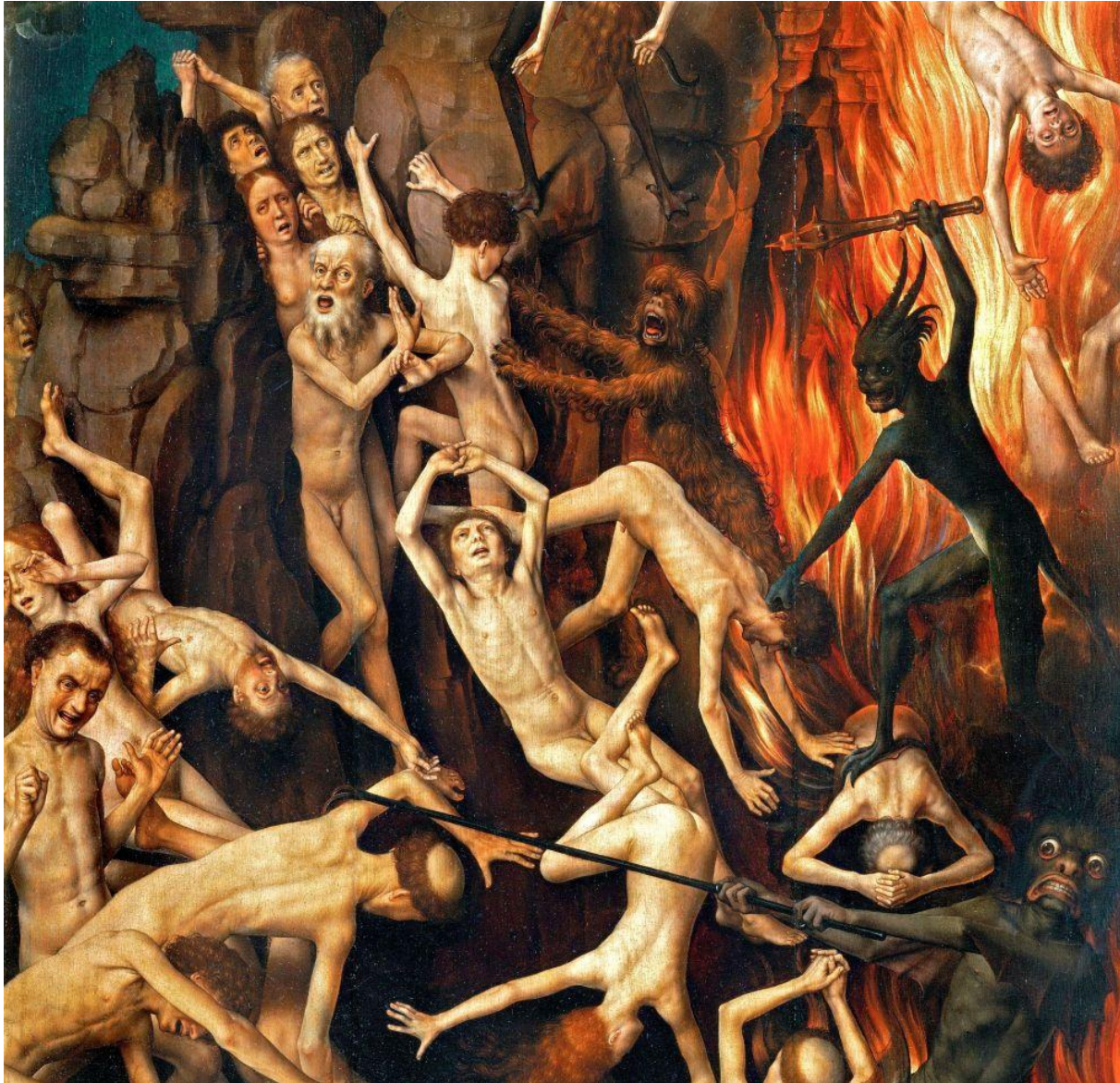
Крупнейшие произведения :

- "Смысл творчества",
- "Судьба России",
- "Философия неравенства", "Самопознание".

Последнее произведение относится к уникальному жанру — философской автобиографии.

«Страшный суд» (ок. 1461—1473) триптих Ганса Мемлинга

Я нисколько не сомневаюсь, что в жестоком учении о вечных адских муках трансформированы садистические инстинкты. Многие "ортодоксальные" христиане дорожат идеей вечных адских мук, она им нравится. И они уверены, что адские муки грозят не им, а их ближним, которых он и терроризируют. Идея вечных адских мук имела огромное социологическое значение. При помощи этой идеи управляли человеческими массами, смиряли варварские и греховные инстинкты.

Но воспользовались этой идеей в то время, когда христианская Европа в нее верила, очень плохо и использовали в угоду инстинктов и интересов "первых", господствующих.

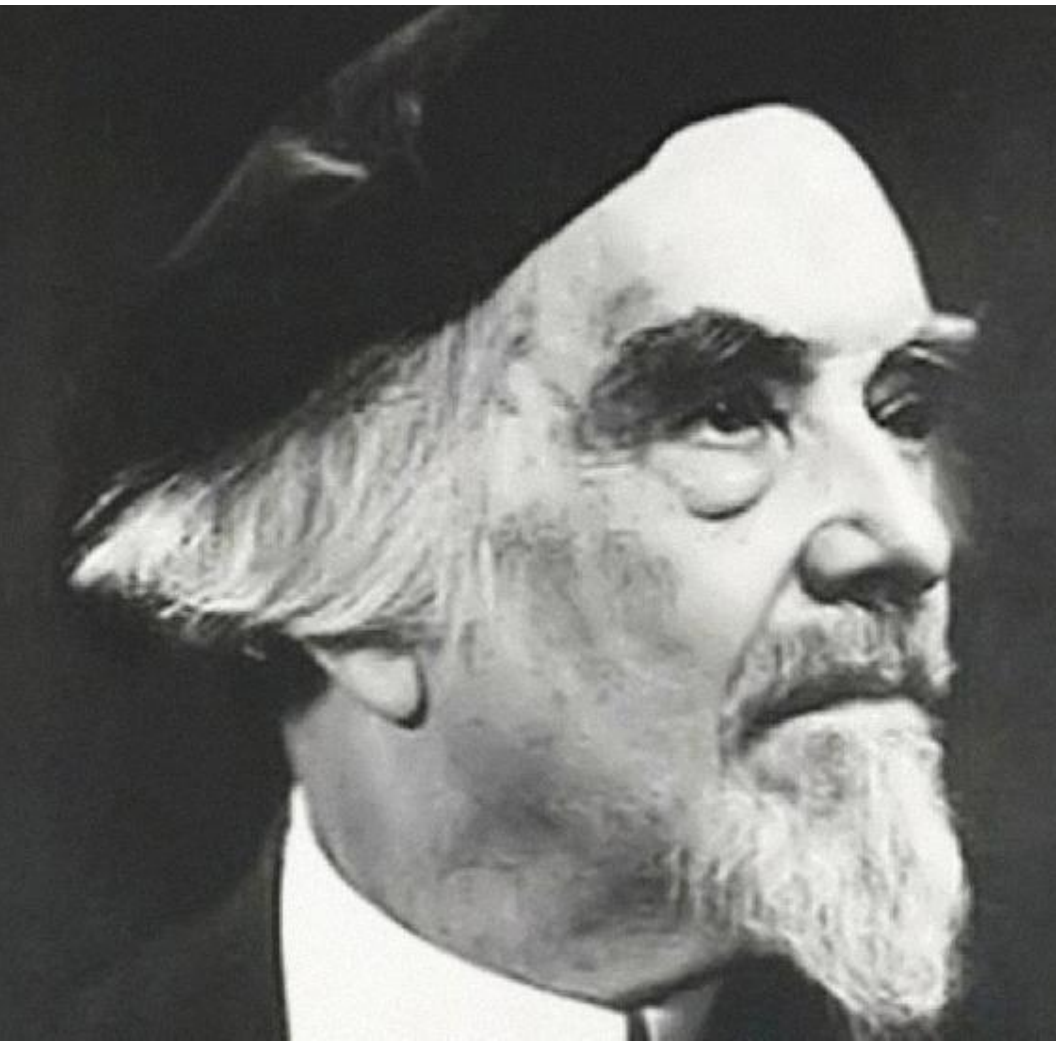
Мне часто приходило в голову, что если бы люди церкви, когда христианское человечество верило в ужас адских мук, грозили отлучением, лишением причастия, гибелью и вечными муками тем, которые одержимы волей к могуществу и господству, к богатству и эксплуатации ближних, то история сложилась бы совершенно иначе.

Вместо этого грозили адскими муками главным образом за ереси, за уклонения от доктрины, за непослушание церковной иерархии и за второстепенные грехи, признанные смертными, иногда за мелочи, лишённые значения. Это имело роковые последствия в истории христианского мира. Но самая идея вечных адских мук, безобразная и садичная, но представляющая сложную философскую проблему, в сущности, лишает ценности духовную и моральную жизнь человека. Она превращает жизнь в судебный процесс, грозящий пожизненной каторгой

Эта идея обнаруживает самое мрачное подсознательное в человеке. Ад существует как человеческий опыт, как человеческий путь. Но безобразна всякая онтология ада. В моем отношении к христианству я делил людей на сторонников и противников ада. Этим определялась моя оценка христиан. Я убежден, что сторонниками ада являются люди, которые его хотят, для других, конечно. Христиане часто бывали утонченными садистами. Но сейчас их запугивания мало действуют, сильнее

В основании моего отвращения к учению о вечных адских муках лежит, вероятно, мое первичное чувство жалости и сострадания, невозможности радости и блаженства, когда существует непомерное страдание и мука. Спасение возможно лишь вместе со всеми другими людьми. Вот когда особенно уместно вспомнить о соборности. И никогда я не мог допустить, что у Бога меньше сострадания и жалости, чем у меня, существа несовершенного и грешного. В сущности, я всегда восставал против всякого суда над людьми, я не любил никакого суда, никакой декламации о справедливом возмездии и сочувствовал больше судимым, а не судящим.

Духовное развитие и эсхатологическая проблема

С проблемой духовного развития связана проблема эсхатологии, проблема конечной судьбы человеческой души и мира. Новая христианская душа не может нравственно примириться с старой эсхатологией. Очень трудно принять метафизику, по которой вечная судьба души решается окончательно ее временной жизнью от рождения до смерти. При таком понимании наша краткая земная жизнь оказывается ловушкой и достоинство вечности определяется ничтожно малым опытом времени. В христианстве нашей эпохи не может уже в такой мере определять всю жизнь ужас адских мук, в какой определял ее в религиозном сознании средневековья. Это есть один из результатов пережитого духовного

Мы должны стремиться не только к личному спасению, но и к всеобщему спасению и преображению. Вопрос о том, будут ли все спасены и как наступит Царство Божье, есть последняя тайна, неразрешимая рационально, но мы должны всеми силами нашего духа стремиться к тому, чтобы все были спасены. Спасаться мы должны вместе, миром, соборно, а не в одиночку. И это очень соответствует духу православия, особенно русского. Это есть великий нравственный прогресс, преодоление трансцендентного религиозного эгоизма. Воля к всеобщему спасению есть проявление любви.

Мы не строим онтологию всеобщего спасения, в которой всеобщее спасение оказывается необходимым. Мы сознаем, что величайшие трудности тут связаны с проблемой свободы. Идея ада имеет свое обоснование не в Божьем суде и каре, не в идее справедливости, а в человеческой свободе. Бог не может насильственно спасти человека, насильственно вогнать его в рай, Бог не хочет насилия над человеческой свободой. Человек может свободно предпочесть мучения вне Бога блаженству в Боге, он имеет как бы право на ад. Такова психология ада. **Ад есть невозможность любить Бога вследствие направления человеческой свободы, отращение от Бога и отдаляемость от Него**

Если мы до конца утверждаем личность и свободу, то мы приходим к возможности ада.
Легко преодолеть идею ада, но этим также снимается личность и свобода. С другой стороны, наша личность и наша свобода не мирятся с вечными адскими муками, наше нравственное сознание протестует против адских мук хотя бы для одного человеческого существа. Я еще могу допустить возможность адских мук для себя и нередко переживаю их предвкушение. Но с трудом могу допустить их для других. Возможно еще допустить адские муки с точки зрения человека, но невозможно их допустить с точки зрения Бога.

Фреска «Страшный суд» (ок. 1161) Андрей